

XII в. В пределах сопоставимого времени (XI—середина XII в.) они практически противостоят лишь пяти печатям (Ефрема, Георгия, Иоанна III, Нифонта), найденным в России.

Во второй половине XII и начале XIII в. положение резко изменяется. Здесь двум найденным за пределами России церковным печатям (Никифора II и Григория) противостоит вся масса остальных булл, происходящих исключительно из русских находок. Нам кажется несомненным, что это наблюдение отражает существование важного процесса постепенного усиления роли церковных органов во внутрирусских делах. Актовая сфрагистика русских князей церкви, обслуживавшая первоначально документы только церковного характера, во второй половине XII в. встает на службу дипломатике, имеющей более внутренний, нежели раньше, характер. Легко заметить, однако, что этот вывод покоится главным образом на новгородских материалах и поэтому должен быть в дальнейшем привлечен для характеристики новгородских порядков второй половины XII — начала XIII в.

Обзор епископских печатей домонгольской поры был бы неполон, если бы в стороне остался еще один связанный с ними сюжет. В 1963 г. В. Лоран издал печать, которая им предположительно отнесена к числу русских епископских булл. На одной ее стороне помещена пятифигурная композиция с возвышающейся в центре фигурой Христа в полный рост и стоящими по его сторонам попарно фигурами евангелистов. На другой стороне этой печати греческая надпись: $\text{† Μωϋϛ ροναρχος καὶ μητροπολίτης πόλεως Βλαδην [μίρου]}$, т. е. «Моисей, монах, митрополит города Влад[имира?]⁷⁷. Исследователь отмечает очень плохую сохранность надписи в той ее части, где помещено

⁷⁷ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t. V, 1-e partie, p. 609—610.

обозначение топонима, и его реконструкция избирает лишь предпочтительный вариант прочтения легенды.

Датируя печать второй половиной XII в., В. Лоран предполагает, что при Андрее Боголюбском была предпринята попытка создать митрополию во Владимире на Клязьме и что печать Моисея является свидетельством этой попытки. В таком предположении слишком много противоречий, чтобы отнестись к нему всерьез. Имя Моисея вовсе не встречается в истории хорошо известных попыток Андрея Боголюбского преобразовать в своем княжестве церковь и учредить во Владимире митрополию. Также хорошо известно, что единственным претендентом на новую митрополию был епископ Феодор. Если прозвище Феодора «Белый Клобучок» указывает как будто на присвоение им знаков митрополичьего достоинства, то речь опять-таки идет о Феодоре, а не о Моисее.

Можно было бы предположить, что Феодор, который, даже будучи епископом, не принимал пострижения, затем все-таки постригся и, следовательно, сменил имя, но этому также противоречат два обстоятельства. Во-первых, он перед казнью был судим как мирянин и значит вовсе не принимал пострижения⁷⁸. Во-вторых, в Древней Руси почти постоянным правилом при смене имен было избрание нового имени с тем же инициалом, какой стоял в начале старого имени (Никита-Нифонт, Иоанн-Илия, Гаврил-Григорий и т. д.). Здесь этого нет. Возвращаясь к сфрагистическим аргументам, отметим, что принципы оформления булл настолько чужды владычной сфрагистике Руси, что предположительное толкование В. Лорана, которое к тому же не подтверждается какими-либо другими источниками, нельзя признать удачным.

⁷⁸ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 46.